

Научная статья

УДК 81'374

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-138

EDN: WXYOTT

Адъективная лексика как средство выражения вербальной агрессии

Мария Анатольевна Фирсова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева. 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а
firsovamariala@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3819-6586>

Аннотация. В статье описан когнитивно-прагматический потенциал адъективной лексики как одного из средств выражения агрессии в русском языке. Новизна исследования состоит в систематизации и описании «агрессивного» пласта адъективной лексики, границы которого являются нестабильными. Теоретическая значимость изучения «агрессивных» адъективов заключается в необходимости дополнения типологии способов вербализации агрессии с учетом разнообразия форм и средств ее манифестации в речевой практике. Материалом исследования послужили прилагательные общим объемом 250 единиц, распределенных по пяти лексико-семантическим группам: «Внешность человека», «Общие отрицательные характеристики человека», «Умственные и психические особенности человека», «Моральные качества человека», «Характер человека». В ходе исследования использовался метод компонентного анализа, методы когнитивно-дискурсивного и лексико-семантического анализа, прием количественных подсчетов. Установлено, что эмоционально-оценочные адъективы выражают высокую степень агрессивности говорящего, указывая на его цель – унижить объект оценивания. Адресант при употреблении «агрессивных» адъективов выражает негативное намерение по отношению к адресату (или третьему лицу). С лингвопрагматических позиций данные лексемы выражают его отрицательную оценку черт или свойств объекта, приводят к манипулированию сознанием адресата. Употребление в речи «агрессивных» прилагательных заключается в негативном воздействии на адресата, искажению морально-этических основ его существования. Когнитивно-прагматический потенциал агрессивных адъективов заключается в их способности воздействовать на адресата и наносить ему морально-этический вред, который может оцениваться с точки зрения негативного влияния на нравственные категории, формирующие личность адресата. Практическая ценность полученных результатов состоит в возможности их использования в лингвистической экспертизе. Перспективы исследования видятся в изучении когнитивно-прагматического потенциала слов других лексико-грамматических разрядов.

Ключевые слова: вербальная агрессия; адъектив; негативная оценка; лексико-семантическая группа; негативное намерение; когнитивно-прагматический; эмоционально-оценочный

Для цитирования: Фирсова М. А. Адъективная лексика как средство выражения вербальной агрессии // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 138–144. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-138>. <https://elibrary.ru/WXYOTT>

Original article

Adjective vocabulary as a means of expressing verbal aggression

Maria A. Firsova

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the russian language, Astrakhan state university named after V. N. Tatishchev. 414056, Astrakhan, Tatishchev st., 20a
firsovamariala@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3819-6586>

Abstract. The article describes the cognitive-pragmatic potential of adjective vocabulary as a means of expressing aggression in the russian language. The novelty of this study lies in systematizing and describing the «aggressive» stratum of adjective vocabulary, whose boundaries are unstable. The theoretical relevance of studying «aggressive» adjectives is in the need to supplement the typology of aggression verbalization methods given the variety of forms and means of its manifestation in speech practice. The study is based on the total of 250 adjectives divided into five lexical-semantic groups: «Human appearance», 'General negative human characteristics', 'Mental and psychological features of

a person', 'A person's moral qualities', 'A person's character'. The author uses the method of component analysis, methods of cognitive-discursive and lexical-semantic analysis, and the quantitative counting technique. Emotional-evaluative adjectives express a high degree of the speaker's aggressiveness, indicating their goal to humiliate the object of evaluation. When using «aggressive» adjectives, the addresser expresses a negative intention towards the addressee (or a third party). From linguopragmatic positions, these lexemes express negative evaluation of the object's features or qualities and lead to manipulating the addressee's mind. The use of «aggressive» adjectives in speech leads to a negative impact on the addressee, to the distortion of the moral and ethical bases of their existence. The cognitive-pragmatic potential of aggressive adjectives lies in their ability to influence the addressee and cause them moral and ethical harm, which can be assessed from the point of view of the negative impact on the moral categories that shape the addressee's personality. The practical value of the research results lies in the possibility of using them in linguistic expertise. The prospects of the research lie in studying cognitive-pragmatic potential of words from other lexical-grammatical classes.

Key words: verbal aggression; adjective; negative evaluation; lexical-semantic group; negative intention; cognitive-pragmatic; emotional-evaluative

For citation: Firsova M. A. Adjective vocabulary as a means of expressing verbal aggression. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):138–144. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-138>. <https://elibrary.ru/WXOYTT>

Введение. Вербальное выражение агрессии остается актуальным предметом исследования в современных лингвистических исследованиях [Андреева, 2014, Апресян, 2003, Вольф, 1986, Комалова, 2022, Ларионова, 2017]. Высокая степень проявления агрессивного в языке объясняется возрастающей конфликтностью информационного пространства, огрублением русской речи, дестабилизационными процессами в политической, экономической, социальной и других сферах жизни человека. Высокую степень проявления агрессивного в речи отмечают как зарубежные исследователи [Vale, Pereira, Gonçalves, Matos, 2018; Infante, Wigley, 1986], так и отечественные ученые [Солдатова, Рассказова, Чигарькова, 2020]. Выражение негативного эмоционально-оценочного отношения к кому-либо или чему-либо не только приводит к нарушению этических норм коммуникации, но и влияет на когнитивную сферу реципиентов, дестабилизируя их, искажая их ценностные установки. «Вербальным проявлением агрессии является целый пласт лексики и фразеологии, само существование которых в языке и закреплённость в языковом сознании членов лингвокультурного сообщества свидетельствуют об агрессивных тенденциях» [Лаптева, Фирсова, 2024, с. 436].

К средствам вербальной агрессии А. П. Чудинов относит негативную оценку, выраженную в грубой форме, например, бранными, инвективными лексемами [Чудинов, 2007, с. 61]. Агрессивное речевое намерение может также эксплицитироваться с помощью словесных ярлыков и лексики, несущей ярко выраженный негативно-оценочный заряд [Биюмена, 2020, с. 176]. А. Басс отмечает, что вербальная агрессия может выражаться как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание словесных ответов (угроза,

проклятия, ругань) [Басс, 1971, с. 112]. Скрытое выражение агрессии, по замечанию Э. С. Денисовой, А. Д. Чардынцевой, реализуется с помощью иронии, сарказма [Денисова, Чардынцева, 2023].

Пласт лексико-семантической системы языка, формирующий лингвокогнитивную категорию агрессии, включает агрессивные номинации человека, входящие в лексико-семантические группы, номинирующие внешность, характер, умственные способности, моральные качества человека (*глиста, мордоворот, лоботряс, дармоглот* и др.), глагольные лексемы, выражающие негативное действие и отрицательно его оценивающие (*пендюрить, иллендаты, паскудничать* и др.) [Фирсова, 2023, с. 200]. Применительно к человеку данные лексемы употребляются «с намерением оскорбить или унижить адресата, а могут использоваться и без такого намерения, использоваться безадресно, для спонтанного выброса эмоций, для характеристики некоего лица для себя или партнеров по коммуникации» [Стернин, 2013, с. 35].

Цель данной статьи состоит в выявлении когнитивно-прагматического потенциала адективной лексики, с помощью которой в языке вербализуется лингвокогнитивная категория агрессии.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили данные сплошной выборки из Словаря русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой и Самого полного словаря ненормативной лексики Д. И. Квеселевича общим объемом 250 единиц. Картотеку составили прилагательные с негативной семантикой, имеющие в словарях стилистические пометы 'грубо-просторечное', 'просторечное', 'вульгарное', 'бранное', 'пренебрежительное', 'неодобрительное', 'презрительное'. Употребленные в речи, данные единицы могут потенциально наносить вред адресату, то есть являться вербализаторами агрессии.

В ходе исследования для описания содержательной стороны языковых единиц, репрезентирующих вербальную агрессию, использовался метод компонентного анализа, а с целью описания особенностей и способов вербализации агрессии – методы когнитивно-дискурсивного и лексико-семантического анализа. Кроме того, в ходе исследования нашел применение прием количественных подсчетов.

Результаты. В результате лексико-семантического анализа собранного языкового материала установлено, что «агрессивные» прилагательные образуют 5 семантических групп, ранжированных нами по количеству включенных в каждую из них единиц.

1. «Внешность человека»: *вишивый, жирнозадый, задрипанный, облезлый, плюгавый, толсторылый, худосочный, шелудивый* и др. (всего 50 единиц).

2. «Моральные качества человека»: *сволочный, стервозный, гадский, паршивый, паскудный, маляхольный, мурластый, говенный* и др. (всего 33 единицы).

3. «Умственные способности / психические особенности человека»: *бестолковый, головотяпский, дубовый, туполобый, тупоголовый, остолопый, тупорылый, рехнутый* и др. (всего 30 единиц).

4. «Характер человека»: *быковатый, гугнивый, мудяшный, муржанный, мутный, нетесанный* и др. (всего 26 единиц).

5. «Общая отрицательная характеристика»: *слепешарый, трёпанный, фитюльный, хреновый* и др. (всего 25 единиц).

С когнитивно-прагматической точки зрения отобранные прилагательные характеризуются агрессивностью, поскольку обладают однопольным негативизирующим воздействием по нанесению морально-этического и ментального вреда реципиентам.

Обсуждение результатов. 1. Наибольшим «агрессивным зарядом» обладает группа «Внешность человека». Об агрессивности семантики прилагательных обозначенной группы свидетельствует наличие в их смысловой структуре сем, указывающих на особенности внешности человека:

а) телосложение: *толстомордый, утробистый, толстомясый, глистоватый, худосочный, секельдявый* и др.; (агрессогенной эти слова делают семантический признак *вес*: выше и ниже нормы).

б) вид: *истрепанный, облезлый, плюгавый, расхлюстанный* и др.;

в) лицо: *замухрыжистый, страхолюдный, губошлепский, лупоглазый* и др.

«Внешность человека – это носитель определенной информации, благодаря которой в сознании говорящих формируются субъективный портрет и эстетическая оценка окружающих» [Яхина, 2016, с. 113]. Выражения адресантом недовольства, ненависти или отвращения при оценке внешних характеристик адресата или объекта оценки усиливает агрессивность всего фрагмента текста, приводит к искажению ценностных установок читателя. Любое отклонение от эстетической нормы, несоответствие эталону красоты отмечается реципиентом и становится стимулом, порождающим агрессивную вербальную реакцию.

Обратимся к примерам из Национального корпуса русского языка. «Особенно доставалось ей от отчаянной заводской поденщицы Марьки. У, **толсторылая!** – ругали Домнушку бабы. Раньше то в машинной торговала, а теперь на базар выехала» [Национальный корпус русского языка]. Грубо-просторечное бранное прилагательное *толсторылая* – ‘с толстым рылом’ [Квеселевич, 2003, с. 849] дает негативную оценку внешности лица, к которому окружающие испытывают презрение, вызванное завистью. Закрепление за данной лексемой агрессии обусловлено семантикой номинатива **рыло** – груб. прост. ‘лицо’ [Словарь русского языка, 1987, с. 745].

Агрессивная номинация человека по внешности может дополнять физическую агрессию: «Вот раз вытолкнули кузнеца из кабака: «Иди, чертяка **страхолюдный!**»» [Национальный корпус русского языка]. Физическое воздействие (*вытолкнули из кабака*) в данном случае сопровождается употреблением обращения *чертяка страхолюдный*, где *чертяка*, производное от *черт*, согласуется с просторечной лексемой со значением ‘страшный на вид; безобразный, уродливый’ [Квеселевич, 2003, с. 820].

Следующий пример содержит категоричную оценку говорящего, которая выражается лексемой **криворожий**, имеющей просторечный компонент *рожа* – ‘лицо’: «Тьфу мне на его любовь – вот он *криворожий*, чего стоит! – возражала Экзархатова» [Национальный корпус русского языка]. Когнитивно-прагматический потенциал агрессивных адъективов, относящихся к внешности объекта высказывания, заключается в их способности воздействовать на адресата и наносить ему морально-этический вред. О нанесении морально-этического вреда можно судить в том случае, когда адресант в речи апеллирует к нравственным категориям, формирующим личность адресата, и принижает их.

Агрессивные прилагательные могут быть репрезентированы в тактике угрозы физической

расправы над объектом. Например: «Ты думаешь своей башкой дырявой, или она у тебя совсем прохудилась? Закрой варезку, – предлагал Ганя. И никогда не открывай. Я вот те открою сейчас – шумовкой по калгану!.. черт слепошарый. Ганя бледнел. Ты мои шары не трожь! Не ты у меня свет отняла, не тебе вкаты про это» [Национальный корпус русского языка]. В контексте среди стилистически сниженных и пейоративных единиц, в том числе *черт*, встречаем сочетающееся с ним грубо-просторечное прилагательное *слепошарый* – ‘слепой’ [Квеселевич, 2003, с. 787], которое указывает на физический недостаток объекта, что, безусловно, нарушает социальную норму и интерпретируется нами как прямое оскорбление, то есть вербальная агрессия.

Пренебрежение говорящих вызывают те внешние характеристики человека, которые, с их точки зрения, оцениваются отрицательно. Стереотипные представления об образе человека, имеющие отклонения от общепринятого стандарта, подвергаются адресантами осуждению, что отражается в негативных характеристиках. Адъективы с негативной семантикой, имеющие оценку внешности человека, также реализуют функцию профанизации речи, так как содержат отрицательные интенции автора, которые способны понижать социальный статус адресата.

2. Лексико-семантическая группа «Общие отрицательные характеристики человека» включает лексемы *поганый, мерзкий, хреновый, гадкий, подлый, паршивый, гнилой* и др., которые характеризуют человека с негативной стороны, служат маркерами вербальной агрессии вследствие своей категоричной отрицательной оценки. Например: «Уронив голову на стол, Изабелла выкашливала: «Поганый тот фриц мое тело терзал... он грудь мою белую грыз и кусал и все нехорошее делал»» [Национальный корпус русского языка]. Адресант, стимулируемый плохими, тягостными воспоминаниями, называет своего обидчика *поганый* (фриц) – прост. ‘скверный, мерзкий, отвратительный’ [Квеселевич, 2003, 612]. Сочетание *поганый фриц* носит осуждающий характер также из-за этнофолизма, являющегося инокультурным маркером чуждости (*фриц* – пренебр. немец).

Далее рассмотрим грубо-просторечное прилагательное *мокрохвостый* – пренебр. ‘неопытный’ [Квеселевич, 2003, с. 436], значение которого актуализируется в следующем контексте: «Ничего, тогда запишу, – говорит Валя, размахивая блокнотом. – Ну чего ты ко мне пристала? – кричит Адамчик, пытаясь уцепить Валу. Запиши меня целоваться! – Да не умеешь, *мокрохвостый!* – сердито отвечает Валя и убегает, размахивая

блокнотом» [Национальный корпус русского языка]. Коммуникативная ситуация, в которой мужчина пытается доминировать над женщиной, служит для говорящей стимулом для словесного отпора, который она вербализует агрессивным прилагательным *мокрохвостый*, давая понять, что у мужчины нет шансов на продолжение общения вследствие его неопытности.

Эмоционально-оценочные адъективы выражают высокую степень агрессивности говорящего, указывая на его цель – унижить объект оценивания. Например, прилагательное *паршивый* – ‘плохой, скверный, дрянной’ [Квеселевич, 2003, с. 578] может употребляться в отношении лица как дополнительная характеристика к уже имеющейся негативной номинации:

а) *Стервец паршивый, – зашипел страшный капитан прямо над ухом. Ну-ка перестань! Покалечу ведь!..» Вано! – заорал я не своим голосом* [Национальный корпус русского языка]. В данном контексте говорящий призывает адресата к прекращению действий, употребляя агрессивное прилагательное *паршивый* в сочетании с бранной номинацией *стервец* – ‘негодяй, мерзавец, подлец’ [Квксклевич, 2003, с. 816].

б) «Но расплата оказалась неожиданной: встретившая меня на другой день мать этого мальчика закричала: „Ах ты, *жиденок паршивый!*”» [Национальный корпус русского языка]. Контекст содержит порицательное восклицание с этнофолизмом *жиденок*, которое пренебрежительно номинирует мальчика. Говорящий вербализует агрессию и по отношению к моральным качествам объекта, и по отношению к его национальности.

в) «Но Чертопханов не только не отвечал на его привет, а даже рассердился, так весь и вспыхнул вдруг: *паршивый жид* смеет сидеть на такой прекрасной лошади... какое неприличие!» [Национальный корпус русского языка]. Вербальная агрессия говорящего направлена на представителя иной национальности, который именуется как *паршивый жид*.

Лексико-семантическая группа «Общие отрицательные качества человека» включает агрессивные адъективы, употребляя которые, говорящий выражает презрение, основанное на неприятии отклоняющегося от нормы поведения или отрицательных качеств человека, вызывающих отторжение.

3. Лексико-семантическая группа «Моральные качества человека» содержит единицы, при употреблении которых адресант, направляющий вербальную агрессию на человека, стимулируется совокупностью негативных черт личности, кото-

рые в целом вызывают неприязнь, например: *конченный, охренелый, подонистый, проклятый, скотский* и т. д.

Негативные моральные качества человека являются для адресантов стимулом для вербализации агрессии. Языковой материал данной группы составляют имена прилагательные, которые характеризуют человека с обобщенных позиций. Например: «*Пепко принимался ругаться раза три. Если бы у меня были часы, – повторял он с особою убедительностью, – я показал бы ей, что нельзя ставить самовар целый час. Вот проклятая баба навязалась... Сколько она испортила крови моего сердца и сока моих нервов! Недаром сказано, что господь создал женщину в минуту гнева...*» [Национальный корпус русского языка]. В данном контексте вербальная агрессия адресанта спровоцирована медленными действиями женщины, что выражается не только в употреблении бранного восклицания с компонентом *проклятый* – ‘ненавистный, достойный проклятия’ [Квеселевич, 2003, с. 495], но и в негативном обобщении.

Совокупность негативных моральных качеств человека указывает на их несоответствие ожиданиям адресанта, служит указанием на отрицательные внутренние характеристики. Например: «*Помирился, – согласился Викторюшка и сплюнул, – а зря. И человек он х..вый, и поэт говенный. Ирка баховской ... какую-то о Шлянном переулке, где Ирка живет, сочинил*» [Национальный корпус русского языка]. Контекст содержит прилагательное *говенный* – вульг. ‘дрянной, ничтожный’ [Квеселевич, 2003, с. 137], которое указывает не только на некомпетентность характеризуемого объекта, но и его обобщенные негативные моральные качества.

4. Лексико-семантическая группа «Умственные и психические особенности человека» включает прилагательные, относящиеся к когнитивной сфере человека. Низкий интеллектуальный уровень или психические расстройства личности могут служить для языковой личности сигналом для их неприятия или осуждения и выражаться в агрессивной форме.

Языковой материал группы «Умственные и психические особенности человека» представлен двумя подгруппами, характеризующими

1) человека, не отличающегося интеллектуальными способностями: *туполобый, остолопый, безмозглый, бестолочный* и т. д.;

2) психически неуравновешенного человека: *чеканутый, шизанутый, ушибленный, рехнутый* и т. д.

Обратимся к примерам: «*Не хватало, чтобы этот ваш бугай тупорылый, – продолжал бушевать Платон, – сдал мой паспорт в милицию! Сами вы тупорылый. Вера не дала ухажера в обиду. Андрей – человек порядочный!*» [Национальный корпус русского языка]. Первое употребление грубо-просторечного прилагательного *тупорылый* – ‘туго соображающий, тупой’ [Квеселевич, 2003, с. 864] – относится к третьему лицу, но задевает чувства одного из участников диалога, который также вербализует агрессию, уже направленную на коммуникативного партнера, с помощью той же адъективной единицы.

Негативные вербальные реакции говорящих могут быть спровоцированы неожиданными действиями окружающими, например: «*Люсин бросился к телефону, едва не столкнувшись в дверях с Аглаей Степановной, которая чуть было не выронила тяжелую трехлитровую банку, до краев наполненную алым напитком. Рехнутый! – осерчала старуха*» [Национальный корпус русского языка]. *Рехнутый* – груб. прост. ‘не в своем уме, сумасшедший’ [Квеселевич, 2003, 744] – агрессивная лексема, характеризующая сумасшедшего человека. В контексте она относится к лицу, которое своим неловким движением помешал говорящей, вызвав ее негативную вербальную реакцию.

Умственные и психические особенности человека представляют собой совокупность информации, мыслительная обработка которой является для адресантов стимулом вербализации агрессии. Негативные характеристики когнитивных и психических процессов человека основываются на несоответствии ожиданиям говорящих, следовательно, подвергаются осуждению и презрению.

5. Лексико-семантическая группа «Характер человека» содержит единицы, относящиеся к негативным особенностям характера человека. Например, которые характеризуют 1) болтливость: *трепливый, хамоватый, гугнивый, ёрнический* и др.; 2) жадность: *хапужный, сквалыжный*; 3) непорядочность: *говнистый, шнырливый, тягомотный, ублюдский* и др.

Например: «*Говнистый этот твой ученик! – вспыхнул Паша. Цицерон наш лишь развел горестно руками: мол, это да, что есть, то есть, говнистость имеется!*» [Национальный корпус русского языка]. В данном контексте вульгаризм *говнистый* – ‘гадкий, мерзкий’ [Квеселевич, 2003, с. 137] характеризует третье лицо в диалоге и подчеркивает отрицательные стороны характера человека, а именно непорядочность. В ответ собеседник подтверждает наличие негативных черт характера у определяемого объекта.

Статус агрессивных могут приобрести не только адекватные номинации отрицательных черт характера, но и номинации человека странного, непохожего на других, не живущего или не поступающего так, как следует, с точки зрения говорящего. Например: *«Или ты вовсе уж тронутый сделался! Тьфу! Убегу прочь, куда глаза глядят! Надоел ты мне, хозяин малахольный и непутевый!»* [Национальный корпус русского языка]. Говорящий агрессивно настроен по отношению к коммуникативному партнеру, которого считает «другим», «иным», о чем свидетельствует употребление лексем *непутевый* – ‘беспутный’ [Словарь русского языка, 1987, с. 473], *тронутый* в знач. прил. разг. – ‘имеющий странности’ [Словарь русского языка, 1987, с. 15], *малахольный* – груб. прост. ‘с причудами, странностями’ [Словарь русского языка, 1987, с. 218]. Данные характеристики личности служат для адресанта источником раздражения и неприятия, вызывают желание прервать социальную коммуникацию.

Таким образом, при употреблении прилагательных, относящихся к лексико-семантической группе «Характер человека», адресант выражает отрицательное отношение к человеку как носителю определенных черт. Поток негативных эмоций стимулирует языковую личность к осознанной вербализации агрессии.

Выводы. В результате проведенного лексико-графического анализа выявлен корпус «агрессивных» прилагательных; языковой материал распределен по пяти лексико-семантическим группам: «Внешность человека», «Общие отрицательные характеристики человека», «Умственные и психические особенности человека», «Моральные качества человека», «Характер человека». Языковая оценочность, представленная приведенной выборкой адекватных лексем и примерами их контекстуального употребления, служит источником имплицитного компонента негативного смысла. Адресант при употреблении прилагательных с отрицательной оценкой выражает негативное намерение по отношению к адресату (или третьему лицу), вызывая у него отрицательные эмоции и/или нанося этический вред. Нанесение морально-этического вреда происходит в том случае, когда адресант в речи апеллирует к нравственным категориям, служащим основой личности адресата, и обесценивает их. Установлено, что с лингвопрагматических позиций «агрессивные» прилагательные выражают категоричную оценку объекта, приводят к манипулированию сознанием адресата. Целенаправленное нанесение вреда за счет употребления в речи «агрессивных» прилагательных приводит к негативному воздействию на

адресата, искажению его картины мира. Описанный фрагмент лексической системы русского языка отражает сложившееся в социуме представление о широкой репрезентативности адекватных лексем в выражении негативных характеристик человека.

Библиографический список

1. Андреева В. Ю. Коммуникативный саботаж в ряду смежных речевых явлений (сопоставление с конфликтом, речевой агрессией, коммуникативным давлением) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 356.
2. Апресян В. Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : Тр. Междунар. конф. «Диалог 2003». Москва : Наука, 2003. С. 14–18.
3. Биюмена А. А. Лексические средства экспликации речевой агрессии в русскоязычных печатных изданиях советского периода // Русистика. 2020. Т. 18. № 2. С. 164–180.
4. Волкова С. Н. Лексико-семантические средства речевой агрессии в телевизионном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 6–21.
5. Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 98–108.
6. Денисова Э. С., Чардынцева А. Д. Жанровые формы вербальной агрессии в молодежной интернет-коммуникации // МНКО. 2023. №2 (99).
7. Квеселевич Д. И. Самый полный словарь ненормативной лексики русского языка. Москва : Астрель: АСТ. 2003. 1021 с.
8. Комалова Л. Р. Параметры типологизации агрессии, вербализованной в письменном тексте/дискурсе // Этнопсихоллингвистика. 2022. № 3. С. 7–25.
9. Лаптева М. Л., Фирсова М. А. Лингвокультурные основы вербальной агрессии в русском языке // Русистика. 2023. № 4. С. 424–439.
10. Ларионова Т. В. Речевая агрессия: от речевой практики к социокогнитивной матрице // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7-1(73). С. 117.
11. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.01.2025)
12. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Москва : Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
13. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Чигарькова С. В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38).
14. Стернин И. А. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013.
15. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов. Москва, 2007. 254 с.

16. Фирсова М. А. Стилистические пометы как маркер «агрессивности» номинаций человека // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. № 4(16). С. 200–208.

17. Яхина Д. И. Образная оценка внешнего вида человека в сфере неофициального общения (на материале метафор и сравнений) // Проблемы речевой коммуникации. 2016. №16. С. 112–125.

18. Buss A. H. Aggression payS. The control of aggression and violence. 1971. С. 112–130.

19. Vale A., Pereira F., Gonçalves M., Matos M. Cyber-aggression in adolescence and internet parenting styles: A study with victims, perpetrators and victim-perpetrators. Children and Youth Services Review. 93. 2018. P. 88–99.

20. Infante D. A., Wigley C. J. Verbal aggressiveness: an interpersonal model and measure // Communication MonographS. 1986. № 53. P. 61–69.

Reference list

1. Andreeva V. Ju. Kommunikativnyj sabotazh v rjadu smezhnyh rechevyh javlenij (sopostavlenie s konfliktom, rechevoj agressiej, kommunikativnym davleniem) = Communicative sabotage among related speech phenomena (comparison with conflict, speech aggression, communicative pressure) // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2014. № 1. С. 356.

2. Apresjan V. Ju. Implicitnaja agressija v jazyke = Implicit aggression in language // Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii : Tr. Mezhdunar. konf. «Dialog 2003». Moskva : Nauka, 2003. С. 14–18.

3. Bijumena A. A. Leksicheskie sredstva jeksplikacii rechevoj agressii v russkojazychnyh pechatnyh izdanijah sovetskogo perioda = Lexical means of explicating speech aggression in russian-language print media of the soviet period // Rusistika. 2020. T. 18. № 2. С. 164–180.

4. Volkova S. N. Leksiko-semanticheskie sredstva rechevoj agressii v televizionnom diskurse = Lexical and semantic means of speech aggression in television discourse // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2021. № 2. С. 6–21.

5. Vol'f E. M. Ocenочноe znachenie i sootnoshenie priznakov «horosho/ploho» = Evaluative meaning and the ratio of good/bad attributes // Voprosy jazykoznanija. 1986. № 5. С. 98–108.

6. Denisova Je. S., Chardynceva A. D. Zhanrovyje formy verbal'noj agressii v molodezhnoj internet-kommunikacii = Genre forms of verbal aggression in youth Internet communication // MNKO. 2023. №2 (99).

7. Kveselevich D. I. Samyj polnyj slovar' nenormativnoj leksiki russkogo jazyka = The most complete dictionary of non-normative vocabulary of the Russian language. Moskva : Astrel': AST. 2003. 1021 s.

8. Komalova L. R. Parametry tipologizacii agressii, verbalizovannoj v pis'mennom tekste/diskurse = Parameters of aggression typology verbalized in written text/discourse // Jetnopsiholingvistika. 2022. № 3. С. 7–25.

9. Lapteva M. L., Firsova M. A. Lingvokul'turnye osnovy verbal'noj agressii v russkom jazyke = Linguocultural bases of verbal aggression in the Russian language // Rusistika. 2023. № 4. С. 424–439.

10. Larionova T. V. Rechevaja agressija: ot rechevoj praktiki k sociokognitivnoj matrice = Speech aggression: from speech practice to sociocognitive matrix // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 7-1(73). С. 117.

11. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = National corpus of the russian language. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashhenija: 15.01.2025)

12. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. = Dictionary of the Russian language: in 4 vols. / pod red. A. P. Evgen'evoj. Moskva : Rus. jaz.: Poligrafresursy, 1999.

13. Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Chigar'kova S. V. Vidy kiberagressii: opyt podrostkov i molodezhi = Types of cyber aggression: the experiences of adolescents and young adults // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2020. № 2 (38).

14. Sternin I. A. Vyjavlenie priznakov unizhenija chesti, dostoinstva, umalenija delovoj reputacii i oskorblenija v lingvisticheskoj jekspertize teksta. = Identifying the signs of humiliation of honor and dignity, of damaging business reputation and insults in the text linguistic expertise. Jaroslavl', 2013.

15. Chudinov A. P. Politicheskaja lingvistika = Political linguistics : ucheb. posobie dlja studentov, aspirantov, prepodavatelej-filologov. Moskva, 2007. 254 s.

16. Firsova M. A. Stilisticheskie pomety kak marker «agressivnosti» nominacij cheloveka = Stylistic notes as a marker of «aggressiveness» in nominating a person // Tul'skij nauchnyj vestnik. Serija Istorija. Jazykoznanie. 2023. № 4(16). С. 200–208.

17. Jahina D. I. Obraznaja ocenka vneshnego vida cheloveka v sfere neoficial'nogo obshhenija (na materiale metafor i sravnenij) = Figurative evaluation of human appearance in the sphere of informal communication (on the material of metaphors and comparisons) // Problemy rechevoj kommunikacii. 2016. №16. С. 112–125.

18. Buss A. H. Aggression payS. The control of aggression and violence. 1971. С. 112–130.

19. Vale A., Pereira F., Gonçalves M., Matos M. Cyber-aggression in adolescence and internet parenting styles: A study with victims, perpetrators and victim-perpetratorS. Children and Youth Services Review. 93. 2018. R. 88–99.

20. Infante D. A., Wigley C. J. Verbal aggressiveness: an interpersonal model and measure // Communication MonographS. 1986. № 53. P. 61–69.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; одобрена после рецензирования 13.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 21.03.2025; approved after reviewing 13.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025